

М. Е. Салтыков

Губернские очерки

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Е. Салтыков**
Губернские очерки: Том 1 / М. Е. Салтыков – М.: Книга по Требованию, 2015. –
275 с.

ISBN 978-5-518-08009-6

Губернские очерки
Том 1

Из записок отставного надворного советника Щедрина.

ISBN 978-5-518-08009-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и кажутся какими-то фантастическими тѣнями; огни по берегу выступают ярче и ярче; голосъ вашъ звонче и яснѣе раздается въ воздухѣ. Передъ вами рѣка... Но ясна и спокойна ея поверхность, ровно ея чистое зеркало, отражающее въ себѣ блѣдно-голубое небо съ его милліонами звѣздъ; тихо и мягко ласкаетъ васъ влажный воздухъ ночи, и ничто, никакой звукъ не возмущаетъ какъ бы оцѣпенѣвшей окрестности. Паромъ словно не движется, и только нетерпѣливый стукъ лошадиного копыта о помостъ, да всплескъ вынимаемаго изъ воды шеста возвращаютъ васъ къ сознанию чего-то дѣйствительнаго, не фантастическаго.

Но вотъ и берегъ; начинается суматоха; вынимаются причалы; экипажъ вашъ слегка трогается; вы слышите глухое позвякиванье подвязаннаго колокольчика; пристегиваютъ пристяжныхъ; наконецъ все готово; въ тарантасѣ вашемъ появляется шляпа и слышится: «Не будетъ ли, батюшка, вашей милости?» — «Трогай!» раздается сзади, и вотъ вы бойко взбираетесь на крутую гору, по почтовой дорогѣ, ведущей мимо общественнаго сада. А въ городѣ, между тѣмъ, во всѣхъ окнахъ горятъ ужъ огни; по улицамъ еще бродятъ разсѣянные группы гуляющихъ; вы чувствуете себя дома, и остановивъ ямщика, выѣзжаете изъ экипажа и сами идете бродить.

Боже! какъ весело вамъ, какъ хорошо и отрадно на этихъ деревянныхъ тротуарахъ! Всѣ васъ знаютъ, васъ любятъ, вамъ улыбаются! Вонъ мелькнули

въ окнахъ четыре фигуры за четверугольнымъ столомъ, предающіяся дѣловому отдохновенію за карточнымъ столомъ, вотъ изъ другаго окна столбомъ валитъ дымъ, обличающій собравшуюся въ домъ веселую компанію приказныхъ, а быть—можетъ и сановниковъ; вотъ слышался вамъ изъ сосѣдняго дома смѣхъ, звонкій смѣхъ, отъ котораго вдругъ упало въ груди ваше юное сердце, и тутъ же, съ нимъ рядомъ, произносится острота, очень хорошая острота, которую вы ужъ много разъ слышали, но которая, въ этотъ вечеръ, кажется вамъ особенно привлекательною, и вы не сердитесь, а какъ-то добродушно и ласково улыбаются ей. Но вотъ и уляющіе—все больше женскій полъ, около котораго, какъ и вездѣ, какъ комары надъ болотомъ, роится молодежь. Эта молодежь иногда казалась вамъ нестерпимою; въ ея стремленіяхъ къ женскому полу вы видѣли что-то не совсѣмъ опрятное; шуточки и нѣжности ея отзывались въ вашихъ ушахъ грубо и матеріально; но въ этотъ вечеръ вы добры. Еслибъ вамъ встрѣтился пылкій Трезоръ, томно виляющій хвостомъ на бѣгу за кокеткой—Діанкой, вы и тутъ нашли бы средство отыскать что-то наивное, буколическое. Вотъ и она, крутогорская звѣзда, гонительница знаменитаго рода князей Чебылкиныхъ—единственнаго княжескаго рода во всей Крутогорской губерніи—наша Вѣра Готлибовна, Нѣйка по происхожденію, но Русская по складу ума и сердца! Идетъ она, и издали несетъ ея голосъ, звонко командующій надъ цѣлымъ взводомъ молодыхъ взды-

хателей; идетъ она, и прячется съдовласая голова князя Чебылкина, высунувшаяся—было изъ окна, ожигаются губы княгини, кушающей вечерній чай, и выпадаетъ фарфоровая куколка изъ рукъ двадцатилѣтней княжны, играющей въ растворенномъ окнѣ. Вотъ и вы, великолѣпная Катерина Осиповна, также звѣзда крутогорская, вы, которой роскошныя формы на поминаютъ лучшія времена человѣчества, вы, которую ни съ кѣмъ сравнить не смѣю, кромѣ Гречанки Бобелины. Около васъ также роятся поклонники, и вѣтся жирный разговоръ, для котораго неистошимымъ предметомъ служатъ ваши прелести. И все это такъ привѣтливо улыбается вамъ, всякому вы жмете руку, со всякимъ вступаете въ разговоръ; Вѣра Готлибовна разказываетъ вамъ какую-нибудь новую продѣлку князя Чебылкина; Порфирій Петровичъ передаетъ замѣчательный случай изъ вчерашняго преферанса.

Но вотъ и самъ его сіятельство князь Чебылкинъ изволитъ возвращаться отъ всенощной, четверней въ коляскѣ. Его сіятельство милостиво раскланивается на всѣ стороны; четверня раскормленныхъ лошадокъ влечитъ коляску мѣрнымъ и томнымъ шагомъ: сами безсловесныя чувствуютъ всю важность возложеннаго на нихъ подвига, и ведутъ себя, какъ слѣдуетъ лошадямъ хорошаго тона.

Наконецъ и совсѣмъ стемнѣло; гуляющіе исчезли съ улицъ; окна въ домахъ затворяются; гдѣ-гдѣ слышится захлопыванье ставней, сопровождаемое звяканьемъ засовываемыхъ желѣзныхъ болтовъ, да

доносятся до васъ унылыя звуки флейты, извлекаемые меланхоликомъ—приказнымъ.

Все тихо, все мертво; на сцену выступаютъ собаки...

Казалось бы, это ли не жизнь! А между тѣмъ всѣ крутогорскіе чиновники, и въ особенности супруги ихъ, съ ожесточеніемъ нападаютъ на этотъ городъ. Кто звалъ ихъ туда, кто приклеилъ ихъ къ столь постылому для нихъ краю? Жалобы на Крутогорскъ составляютъ вѣчную канву для разговоровъ; за ними обыкновенно слѣдуютъ стремленія въ Петербургъ.

— Очаровательный Петербургъ! восклицаютъ дамы.

— Душка Петербургъ! вздыхаютъ дѣвицы.

— Да, Петербургъ... глубокомысленно отзываются мушны.

Въ устахъ всѣхъ Петербургъ представляется чѣмъ—то въ родѣ жениха, приходящаго въ полночи; но ни тѣ, ни другія, ни третьи не искренни; это такъ, *façon de parler*, потому что ротъ у насъ не покрытъ. Съ тѣхъ поръ, однакожь, какъ двукратно княгиня Чебылкина съѣздила съ дочерью въ столицу, восторги не много поохладились; оказывается, «*qu'on n'y est jamais chez soi*», что «мы отвыкли отъ этого шума», что «*le prince Курылкинъ, jeune homme tout-à-fait charmant, mais — que ça reste entre nous — m'a fait tellement la cour, что просто совѣстно!* — но все—таки какое же сравненіе нашъ милый, нашъ добрый, нашъ тихій Крутогорскъ!»

— Душка Крутогорскъ! пищитъ княжна.

— Да, Крутогорскъ... отзывается князь, плотоядно улыбаясь.

Страсть къ французскимъ фразамъ составляетъ общій недугъ крутогорскихъ дамъ и дѣвицъ. Соберутся дѣвицы, и первое у нихъ условіе: «ну, mesdames, съ нынѣшняго дня мы ни слова не будемъ говорить по-русски». Но оказывается, что на иностранныхъ языкахъ имъ извѣстны только двѣ фразы: *permettez moi de sortir* и *allez-vous-en!* Очевидно, что всѣхъ понятій, какъ бы они ни были ограничены, этими двумя фразами никакъ не выразишь, и бѣдныя дѣвицы вновь осуждены прибѣгнуть къ этому дубовому русскому языку, на которомъ не выразишь никакого тонкаго чувства.

Впрочемъ, сословіе чиновниковъ—слабая сторона Крутогорска. Я не люблю его гостиныхъ. Я не люблю его гостиныхъ, въ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, все глядитъ какъ-то неуклюже. Но мнѣ отраднo и весело шататься по городскимъ улицамъ, особливо въ базарный день, когда онѣ кипятъ народомъ, когда всѣ площади завалены разнымъ хламомъ: сундуками, бураками, ведерками и проч. Мнѣ милъ этотъ общій говоръ толпы, онѣ ласкаютъ мой слухъ пуще лучшей итальянской аріи, несмотря на то, что въ немъ нерѣдко звучатъ самыя странныя, самыя фальшивыя ноты. Взгляните на эти загорѣлыя лица: они дышатъ умомъ и сметкою, и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то неподдѣльнымъ простодушіемъ, которое, къ сожалѣнію, исчезаетъ все больше и больше. Столица этого простодушія — Крутогорскъ. Вы

видите, вы чувствуете, что здѣсь человекъ доволенъ и счастливъ, что онъ простодушенъ и открытъ именно потому, что не для чего ему притворяться и лукавить. Онъ знаетъ, что, что бы ни выпало на его долю — горе ли, радость ли — все это его, его собственное, и не ропщетъ. Иногда только онъ вздохнетъ да промолвитъ: «Господи! кабы не было блохъ, да станovýchъ, чтобы это за рай, а не жизнь быда!» — вздохнетъ и смирится предъ рукою Промысла, содѣлавшаго и Киѳерона, птицу сладкогласную, и гадовъ разныхъ.

Купечества въ Крутогорскѣ нѣтъ. Коли хотите, проживаютъ въ немъ такъ-называемые негоціанты, но они пробубнили до такой степени, что, кромѣ ношебнаго платья и неоплатныхъ долговъ, ничего не имѣютъ. Сгубила ихъ неосновательность разсудка, да пристрастіе къ пиджакамъ и крѣпкимъ напиткамъ. Пробовали было они, по началу, когда деньги еще кой-какія водились, на свой капиталъ торговать, да нѣтъ, не спорится! Сведетъ негоціантъ къ концу года счеты — все убытокъ, а онъ ли, кажется, не трудился, на пристани съ лихими людьми ночи напролетъ не пропивавалъ, до послѣдней копѣйки въ картежъ не проигрывалъ, все въ надеждѣ увеличить родительское наслѣдіе! Не везетъ! Пробовали они и на комиссію закупу разнаго товара дѣлать, и тутъ оказались провинности: купить негоціантъ щетины, да для коммерческаго оборота въ нее песочку подсыплеть, а не то хлѣбца такого поставить, чтобы хрусту побольше ощуща-

лось — отказали и тутъ. Господи! совсѣмъ коммерціей заниматься нельзя.

Но вотъ наступаетъ воскресенье; весь городъ, съ ранняго утра, въ волненіи, какъ-будто томимъ недугомъ. На площадяхъ шумъ и говоръ, по улицамъ ѣзда страшная. Чиновники, не обуздываемые въ этотъ день никакимъ присутственнымъ мѣстомъ, изъ всѣхъ силъ устремляются къ его превосходительству поздравить съ праздникомъ. Случается, что его превосходительство не совсѣмъ благосклонно смотритъ на эти поклоненія, находя, что они вообще не относятся къ дѣлу, но духа времени измѣнить нельзя: «помилуйте, ваше превосходительство, это намъ не въ тягость, а въ сладость!»

— Сегодня отличная погода, говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ ея превосходительству.

Ея превосходительство слушаетъ съ видимымъ участіемъ.

— Только жарко не множо-съ, отзывается уѣздный стряпчій, слегка привставая на креслѣ: — я, ваше превосходительство, потѣю....

— Какъ здоровье вашей супруги? спрашиваетъ ея превосходительство, обращаясь къ инженерному офицеру, съ очевиднымъ желаніемъ замять разговоръ, принимающій слишкомъ интимный характеръ.

— Она, ваше превосходительство, всегда въ это время бываетъ въ такомъ положеніи..

Ея превосходительство рѣшительно теряется.

Общее смущеніе.

— А у насъ, ваше превосходительство, говоритъ

Порфирій Петровичъ : — случилось на прошлой недѣлѣ обстоятельство. Получили мы изъ Рожновской палаты бумагу—съ. Читали мы, читали эту бумагу —ничего не понимаемъ, а бумага, видимъ, нужная. Вотъ только и говоритъ Иванъ Кузмичъ : «позовемте, господа, архивариуса — можетъ—быть онъ пойметъ.» И точно—съ, призываемъ архивариуса, прочиталъ онъ бумагу. «Понимаешь? спрашиваемъ мы. — «Понимать не понимаю, а отвѣчать могу.» Вѣрите ли, ваше превосходительство, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ написалъ—это бумагу въ палецъ толщиной, только еще непонятнѣе первой. Однако мы подписали и отправили.

Общій хохоть.

— Любопытно, говоритъ его превосходительство : — удовлетворится ли Рожновская палата?

— Отчего же не удовлетвориться, ваше превосходительство? вѣдь имъ больше для очистки дѣла отвѣтъ нуженъ : вотъ они возьмутъ да цѣликомъ нашу бумагу куда—нибудь и пропишутъ—съ, а то мѣсто опять пропишетъ—съ ; такъ оно и пойдетъ...

Но я предполагаю, что вы лицо служащее и не заживаетесь въ Крутогорскѣ по долгу. Васъ посылаютъ по губерніи обревизовать, изловить и вообще сдѣлать полезное дѣло.

Дорога! сколько въ этомъ словѣ заключено для меня привлекательнаго! Особливо, въ лѣтнее теплое время, если притомъ предстоящіе вамъ переѣзды не утомительны, если вы не спѣша можете расположиться на станціи, чтобы переждать полуденный

зной, или же вечеромъ, чтобъ побродить по окрестности, — дорога составляетъ неисчерпаемое наслаждение. Вы лежа ѣдете въ вашемъ покойномъ тарантасѣ; маленькія обывательскія лошадки бѣгутъ бойко и весело, верстъ по пятнадцати въ часъ, а иногда и болѣе; ямщикъ, добродушный молодой парень, безпрестанно оборачивается къ вамъ, зная, что вы платите прогоны, а пожалуй и на водку дадите. Передъ глазами вашими разстилаются необозримыя поля, окаймляемая лѣсомъ, которому, кажется, и конца нѣтъ. Изрѣдка попадаетъ по дорогѣ починокъ изъ двухъ, трехъ дворовъ, или же одиноко стоящая сельская расправа, и опять поля, опять лѣсъ! земли-то, земли-то! то-то раздолье тутъ земледѣльцу! Кажется, и жилъ бы и умеръ тутъ, лѣнивый и безпечный, въ этой непробудной тишинѣ!

Однако, вотъ и станція; вы утомлены немного; но это — то пріятное утомленіе, которое придаетъ еще болѣе цѣны и сладости предстоящему вамъ отдыху. Въ ушахъ вашихъ еще остается впечатлѣніе звуковъ колокольчика, впечатлѣніе шума, производимаго колесами вашего экипажа. Вы выходите изъ вашего тарантаса и немного пошатываетесь. Но, черезъ четверть часа, вы снова бодры и веселы, вы идете бродить по деревнѣ, и передъ вами развертывается та мирная сельская идиллія, которой первообразъ такъ цѣльно и полно сохранился въ вашей душѣ. Съ горы спускается деревенское стадо; оно ужъ близко къ деревнѣ, и картина мгновенно оживляется; необыкновенная суета про-

является по всей улицѣ; бабы выбѣгаютъ изъ избъ съ прутьями въ рукахъ, преслѣдуя тощихъ малолетнихъ коровъ; дѣвчонка лѣтъ десяти, также съ прутикомъ, бѣжитъ вся въ попыхахъ, загоня теленка и не находя никакой возможности слѣдить за его своенравными скачками; въ воздухѣ раздаются самые разнообразныя звуки, отъ мычанья до визгливаго голоса тетки Арины, громко ругающейся на всю деревню. Наконецъ, стадо загнано, деревня пустѣетъ; только кое-гдѣ по завалинкамъ сидятъ еще старики, да и тѣ позѣвываютъ и постепенно, одинъ за другимъ, исчезаютъ въ воротахъ. Вы сами отправляетесь въ горницу и садитесь за самоваръ. Но — о чудо! — цивилизація и здѣсь преслѣдуетъ васъ! За стѣною вамъ слышатся голоса.

— Какъ тебя зовутъ? спрашиваетъ одинъ голосъ.

— Кого? отвѣчаетъ другой.

— Тебя?

— Меня-то?

— Ну да, тебя?

— Зовутъ-то?

— Ахъ, чтобъ тебя...

Раздаются аплодисменты.

— Акимъ, Акимъ Сергѣевъ, торопливо отвѣчаетъ голосъ.

Ваше любопытство заинтересовано; вы посылаете развѣдать, что происходитъ у васъ въ сосѣдяхъ, и узнаете, что еще передъ вами пріѣхалъ сюда становой для производства слѣдствія, да вотъ такъ-то день деньской и мается.